

Александр Пушкин

Гавриилиада

Александр Сергеевич Пушкин

Гавриилиада

«Воистину еврейки молодой
Мне дорого душевное спасенье.
Приди ко мне, прелестный ангел мой,
И мирное прими благословенье.
Спасти хочу земную красоту!
Любезных уст улыбкою довольный,
Царю небес и господу-Христу
Пою стихи на лире богомольной.
Смиранных струн, быть может, наконец
Ее пленят церковные напевы,
И дух святой сойдет на сердце девы;
Властитель он и мыслей и сердец...»

**Александр Сергеевич
Пушкин
Гавриилиада**

Воистину еврейки молодой
Мне дорого душевное спасенье.
Приди ко мне, прелестный ангел
мой,
И мирное прими благословенье.
Спассти хочу земную красоту!
Любезных уст улыбкою доволь-
ный,
Царю небес и господу-Христу
Пою стихи на лире богомольной.
Смиранных струн, быть может,
наконец
Ее пленят церковные напевы,
И дух святой сойдет на сердце де-
вы;
Властитель он и мыслей и сердец.

Шестнадцать лет, невинное сми-
ренье,
Бровь темная, двух девственных
холмов
Под полотном упругое движенье,
Нога любви, жемчужный ряд зу-
бов...
Зачем же ты, еврейка, улыбну-
лась,
И по лицу румянец пробежал?
Нет, милая, ты право, обману-

лась:

Я не тебя, – Марию описал.

В глуши полей, вдали Ерусалима,
Вдали забав и юных волокит
(Которых бес для гибели хранит),
Красавица, никем еще не зрима,
Без прихотей вела спокойный век.
Ее супруг, почтенный человек,
Седой старик, плохой столяр и
плотник,
В селенье был единственный ра-
ботник.

И день и ночь, имея много дел
То с уровнем, то с верною пилою,
То с топором, не много он смот-
рел

На прелести, которыми владел,
И тайный цвет, которому судь-
бою

Назначена была иная честь,
На стебельке не смел еще про-
цвететь.

Ленивый муж своею старой лей-
кой

В час утренний не орошал его;
Он как отец с невинной жил ев-
рейкой,

Ее кормил – и больше ничего.

*Но, братие, с небес во время оно
Всевышний бог склонил привет-
ный взор
На стройный стан, на девствен-
ное лоно
Рабы своей – и, чувствуя задор,
Он положил в премудрости глубо-
кой
Благословить достойный верто-
град,
Сей вертоград, забытый, одино-
кой,
Щедротю таинственных наград.*

*Уже поля немая ночь объемлет;
В своем углу Мария сладко дрем-
лет.
Всевышний рек, – и деве снится
сон;
Пред нею вдруг открылся небо-
склон
Во глубине своей необозримой;
В сиянии и славе нестерпимой
Тьмы ангелов волнуются, кипят,
Бесчисленны летают серафимы,
Струнами арф бряцают херуви-*

мы,
Архангелы в безмолвии сидят,
Главы закрыв лазурными крыла-
ми, -

И, яркими одеян облаками,
Предвечного стоит пред ними
трон.

И светел вдруг очам явился он...
Все пали ниц... Умолкнул арфы
звон.

Склонив главу, едва Мария ды-
шит,
Дрожит как лист и голос бога
слышит:

«Краса земных любезных дочерей,
Израиля надежда молодая!
Зову тебя, любовьию пылая,
Причастница ты славы будь мо-
ей:

Готовь себя к неведомой судьбине,
Жених грядет, грядет к своей ра-
быне».

Вновь облаком оделся божий
трон;
Восстал духов крылатый легион,
И раздались небесной арфы зву-
ки...

Открыв уста, сложив умильно ру-
ки,
Лицу небес Мария предстоит.
Но что же так волнует и манит
Ее к себе внимательные взоры?
Кто сей в толпе придворных мо-
лодых
С нее очей не сводит голубых?
Пернатый шлем, роскошные убо-
ры,
Сиянье крил и локонов золотых,
Высокий стан, взор томный и
стыдливый -
Всё нравится Марии молчаливой.
Замечен он, один он сердцу мил!
Гордись, гордись, архангел Гаври-
ил!
Пропало всё. – Не внемля детской
пени,
На полотне так исчезают тени,
Рожденные в волшебном фонаре.

Красавица проснулась на заре
И нежилась на ложе томной ле-
ни.
Но дивный сон, но милый Гавриил
Из памяти ее не выходил.
Царя небес пленить она хотела,

Его слова приятны были ей,
И перед ним она благоговела, -
Но Гавриил казался ей милей...
Так иногда супругу генерала
Затянутый прельщает адъ-
ютант.

Что делать нам? судьба так при-
казала, -
Согласны в том невежда и пе-
дант.

Поговорим о странностях любви
(Другого я не смыслю разговора).
В те дни, когда от огненного взо-
ра

Мы чувствуем волнение в крови,
Когда тоска обманчивых жела-
ний

Объемлет нас и душу тяготит,
И всюду нас преследует, томит
Предмет один и думы и страда-
ний, -

Не правда ли? в толпе молодых
друзей

Наперсника мы ищем и находим.
С ним тайный глас мучительных
страстей

Наречием восторгов переводим.

Когда же мы поймали на лету
Крылатый миг небесных упоений
И к радостям на ложе наслажде-
ний
Стыдливую склонили красоту,
Когда любви забыли мы страда-
нье
И нечего нам более желать, -
Чтоб оживить о ней воспомина-
нье,
С наперсником мы любим побол-
тать.

И ты, господь! познал ее волненье,
И ты пылал, о боже, как и мы.
Создателю постыло всё творенье,
Наскучило небесное моленье, -
Он сочинял любовные псалмы
И громко пел: «Люблю, люблю
Марию,
В унынии бессмертие влачу...
Где крылья? к Марии полечу
И на груди красавицы почию!...»
И прочее... всё, что придумать
мог. -
Творец любил восточный, пест-
рый слог,
Потом, призвав любимца Гаврии-

ла,
Свою любовь он прозой объяснял.
Беседы их нам церковь утаила,
Евангелист немного оплошал!
Но говорит армянское преданье,
Что царь небес, не пожалев похвал,
В Меркурии архангела избрал,
Заметя в нем и ум и дарованье -
И вечерком к Марии подослал.
Архангелу другой хотелось чести:
Нередко он в посольствах был
счастлив;
Переносить записочки да вести
Хоть выгодно, но он самолюбив.
И славы сын, намеренье сокрыв,
Стал нехотя услужливый угодник
Царю небес... а по земному сводник.

Но, старый враг, не дремлет сатана!
Услышал он, шатаясь в белом свете,
Что бог имел еврейку на примете,
Красавицу, которая должна

Спаси наш род от вечной муки
ада.

Лукавому великая досада -
Хлопочет он. Всевышний между
тем

На небесах сидел в уныньи слад-
ком,

Весь мир забыл, не правил он ни-
чем -

И без него всё шло своим поряд-
ком.

Что ж делает Мария? Где она,
Иосифа печальная супруга?

В своем саду, печальных дум пол-
на,

Проводит час невинного досуга

И снова ждет пленительного сна.

С ее души не сходит образ милый,

К архангелу летит душой унылой.

В прохладе пальм, под говором ру-
чья

Задумалась красавица моя;

Не мило ей цветов благоуханье,

Не весело прозрачных вод журча-
нье...

И видит вдруг: прекрасная змия,

Приманчивой блистая чешуею,

В тени ветвей качается над нею
И говорит: «Любимица небес!
Не убегай, – я пленник твой по-
слушный...»
Возможно ли? О, чудо из чудес!
Кто ж говорил Марии простодуш-
ной,
Кто ж это был? Увы, конечно, бес.

Краса змии, цветов разнообраз-
ность,
Ее привет, огонь лукавых глаз
Понравились Марии в тот же час.
Чтоб усладить молодого сердца
праздность,
На сатане покоя нежный взор,
С ним завела опасный разговор:

«Кто ты, змия? По льстивому на-
певу,
По красоте, по блеску, по глазам -
Я узнаю того, кто нашу Еву
Привлечь успел к таинственному
древу
И там склонил несчастную к гре-
хам.
Ты погубил неопытную деву,
А с нею весь адамов род и нас.

*Мы в бездне бед невольню потону-
ли.*

Не стыдно ли?»

«Попы вас обманули,

И Еву я не погубил, а спас!»

«Спас! от кого?»

«От бога»

«Враг опасный!»

«Он был влюблен...»

«Послушай, берегись!»

«Он к ней пылал —»

«Молчи!»

«— любовью страстной,

Она была в опасности ужасной».

«Змия, ты лжешь!»

«Ей богу!»

«Не божись».

«Но выслушай...»

Подумала Мария:

Не хорошо в саду, наедине,

Украдкою внимать наветам

змия,

И кстати ли поверить сатане?

Но царь небес меня хранит и лю-

бит,

Всевышний благ: он верно не погу-

бит

Своей рабы, – за что ж? за разговор!

К тому же он не даст меня в обиду,

Да в змия скромна довольно с виду.

Какой тут грех? где зло? пустое, вздор! -

Подумала и ухо приклонила,

Забыв на час любовь и Гавриила.

Лукавый бес, надменно развернув

Гремучий хвост, согнув дугою шею,

С ветвей скользит – и падает
перед нею;

Желаний огонь во грудь ее вдохнув,

Он говорит:

«С рассказом Моисея

Не соглашу рассказа моего:

Он вымыслом хотел пленить еврея,

Он важно лгал, – и слушали его.

Бог наградил в нем слог и ум покорный,

Стал Моисей известный господин,

Но я, поверь, – историк не при-

дворный,
Не нужен мне пророка важный
чин!

Они должны, красавицы другие,
Завидовать огню твоих очей;
Ты рождена, о скромная Мария,
Чтоб изумлять адамовых детей,
Чтоб властвовать над легкими
сердцами,
Улыбкою блаженство им дарить,
Сводить с ума двумя-тремя сло-
вами,
По прихоти – любить и не лю-
бить...
Вот жребий твой. Как ты – мла-
дая Ева
В своем саду скромна, умна, ми-
ла,
Но без любви в унынии цвела;
Всегда одни, глаз-на-глаз, муж и
дева
На берегах Эдема светлых рек
В спокойствии вели невинный век.
Скучна была их дней однообраз-
ность.
Ни рощи сень, ни молодость, ни
праздность -

Ничто любви не воскрешало в
них;
Рука с рукой гуляли, пили, ели,
Зевали днем, а ночью не имели
Ни страстных игр, ни радостей
живых...
Что скажешь ты? Тиран неспра-
ведливый,
Еврейский бог, угрюмый и ревни-
вый,
Адамову подругу полюбя,
Ее хранил для самого себя...
Какая честь и что за наслажде-
нье!
На небесах как будто в заточенье,
У ног его молися да молись,
Хвали его, красе его дивись,
Взглянуть не смей украдкой на
другого,
С архангелом тихонько молвить
слово;
Вот жребий той, которую тво-
рец
Себе возьмет в подруги наконец.
И что ж потом? За скуку, за му-
ченье,
Награда вся дьячков осиплых пе-
нье,

Свечи, старух докучная мольба,
Да чад кадил, да образ под алма-
зом,
Написанный каким-то богома-
зом...
Как весело! Завидная судьба!

Мне стало жаль моей прелест-
ной Евы;
Решился я, создателю на зло,
Разрушить сон и юноши и девы.
Ты слышала, как всё произошло?
Два яблока, вися на ветке дивной
(Счастливым знак, любви символ
призывный),
Открыли ей неясную мечту.
Проснулись неясные желанья;
Она свою познала красоту,
И негу чувств, и сердца трепета-
нье,
И юного супруга наготу!
Я видел их! любви – моей науки -
Прекрасное начало видел я.
В глухой лесок ушла чета моя...
Там быстро их блуждали взгля-
ды, руки...
Меж милых ног супруги молодой
Заботливый, неловкой и немой,

Адам искал восторгов упоенья,
Неистовым исполненный огнем,
Он вопрошал источник наслажде-
нья

И, закипев душой, терялся в нем...

И не страшась божественного
гнева,

Вся в пламени, власы раскинув,

Ева,

Едва, едва устами шевеля,

Лобзанием Адаму отвечала,

В слезах любви, в бесчувствии ле-
жал

Под сенью пальм, – и юная земля
Любовников цветами покрывала.

Блаженный день! Увенчанный су-
пруг

Жену ласкал с утра до темной но-
чи,

Во тьме ночной смыкал он редко
очи,

Как их тогда украшен был досуг!

Ты знаешь: бог, утехи прерывая,

Чету мою лишил навеки рая.

Он их изгнал из милой стороны,

Где без трудов они так долго жи-
ли

И дни свои невинно проводили
В объятиях ленивой тишины.
Но им открыл я тайну сладострастья
И младости веселые права,
Томленье чувств, восторги, слезы
счастья,
И поцелуй, и нежные слова.
Скажи теперь: ужели я преда-
тель?
Ужель Адам несчастлив от ме-
ня?
Не думаю, но знаю только я,
Что с Евою остался я приятель».

Умолкнул бес. Мария в тишине
Коварному внимала сатане.
«Что ж? – думала, – быть мо-
жет, прав лукавый;
Слыхала я: ни почестьми, ни сла-
вой,
Ни золотом блаженства не ку-
пить;
Слыхала я, что надобно любить...
Любить! Но как, зачем и что та-
кое...»
А между тем вниманье молодое
Ловило всё в рассказах сатаны:

*И действия и странные причины,
И смелый слог и вольные карти-
ны...*

*(Охотники мы все до новизны.)
Час от часу неясное начало
Опасных дум казалось ей ясней,
И вдруг змии как будто не бывало*

*-
И новое явленье перед ней:
Мария зрит красавца молодого.
У ног ее, не говоря ни слова,
К ней устремив чудесный блеск
очей,
Чего-то он красноречиво просит,
Одной рукой цветочек ей подно-
сит,
Другою мнет простое полотно
И крадется под ризы торопливо,
И легкий перст касается игриво
До милых тайн... Всё для Марии
диво,
Всё кажется ей ново, мудрено, -
А между тем румянец не стыдли-
вый
На девственных ланитах заиграл*

*-
И томный жар и вздох нетерпе-
ливый*

Младую грудь Марии подымал.
Она молчит: но вдруг не стало
мочи,
Закрылися блистательные очи,
К лукавому склонив на грудь гла-
ву,
Вскричала: ах!.. и пала на траву...

О милый друг! кому я посвятил
Мой первый сон надежды и жела-
нья,
Красавица, которой был я мил,
Простишь ли мне моя воспомина-
нья?
Мои грехи, забавы юных дней,
Те вечера, когда в семье твоей,
При матери докучливой и стро-
гой
Тебя томил я тайною тревогой
И просветил невинные красы?
Я научил послушливую руку
Обманывать печальную разлуку
И услаждать безмолвные часы,
Бессонницы девическую муку.
Но молодость утрачена твоя,
От бледных уст улыбка отлете-
ла,
Твоя краса во цвете помертвела...

Простишь ли мне, о милая моя!

*Отец греха, Мариш враг лукавый,
Ты стал и был пред нею виноват;
Ах, и тебе приятен был разврат...
И ты успел преступною забавой
Всевышнего супругу просветить
И дерзостью невинность изу-
мить.*

*Гордись, гордись своей проклятой
славой!*

*Спеши ловить... но близок, близок
час!*

*Вот меркнет свет, заката луч
угас.*

*Всё тихо. Вдруг над девой утом-
ленной*

*Шумя парит архангел окрилен-
ный, -*

*Посол любви, блестящий сын
небес.*

*От ужаса при виде Гавриила
Красавица лицо свое закрыла...*

*Пред ним восстав, смутился
мрачный бес*

*И говорит: «Счастливец гордели-
вый,*

*Кто звал тебя? Зачем оставил
ты*

*Небесный двор, эфира высоты?
Зачем мешать утехе молчали-
вой,*

*Занятиям чувствительной че-
ты?»*

*Но Гавриил, нахмуря взгляд ревни-
вый,*

*Рек на вопрос и дерзкий и шутли-
вый:*

*«Безумный враг небесной красо-
ты,*

*Повеса злой, изгнанник безнадеж-
ный,*

*Ты соблазнил красу Марии неж-
ной*

*И смеешь мне вопросы задавать!
Беги сейчас, бесстыдник, раб мя-
тежный,*

*Иль я тебя заставлю трепе-
тать!»*

*«Не трепетал от ваших я при-
дворных,*

*Всевышнего прислужников покор-
ных,*

От сводников небесного царя!» -

Проклятый рек и, злобою горя,
Наморщив лоб, скосясь, кусая гу-
бы,
Архангела ударил прямо в зубы.
Раздался крик, шатнулся Гавриил
И левое колено преклонил
;

Но вдруг восстал, исполнен но-
вым жаром,
И сатану нечаянным ударом
Хватил в висок. Бес ахнул, поблед-
нел -
И ворвались в объятия друг другу.
Ни Гавриил, ни бес не одолел:
Сплетенные кружась идут по лу-
гу,
На вражью грудь опершись боро-
дой,
Соединив крест на крест ноги, ру-
ки,
То силою, то хитростью науки
Хотят увлечь друг друга за собой.

Не правда ли? вы помните то по-
ле,
Друзья мои, где в прежни дни, вес-
ной,

О ставя класс, играли мы на воле
И тешились отважною борьбой.
Усталые, забыв и брань и речи,
Так ангелы боролись меж собой.
Подземный царь, буян широкопле-
чий,
Вотще кряхтел с увертливым
врагом,
И, наконец, желая кончить ра-
зом,
С архангела пернатый сбил ше-
лом,
Златой шелом, украшенный ал-
мазом.
Схватив врага за мягкие власы,
Он сзади гнет могучею рукою
К сырой земле. Мария пред собою
Архангела зрит юные красы
И за него в безмолвии трепещет.
Уж ломит бес, уж ад в восторге
плещет;
По счастью проворный Гавриил
Впился ему в то место роковое
(Излишнее почти во всяком бое),
В надменный член, которым бес
грешил.
Лукавый пал, пощады запросил
И в темный ад едва нашел дорогу.

На дивный бой, на страшную тревогу
Красавица глядела чуть дыша;
Когда же к ней, свой подвиг соверша,
Приветливо архангел обратился,
Огонь любви в лице ее разлился
И нежностью исполнилась душа.
Ах, как была еврейка хороша!..

Посол краснел и чувства чужие
Так изъяснял в божественных словах:
«О радуйся, невинная Мария!
Любовь с тобой, прекрасна ты в женах;
Стократ блажен твой плод благословенный,
Спасет он мир и ниспровергнет ад...
Но признаюсь душою откровенной,
Отец его блаженнее стократ!»
И перед ней коленопреклоненный
Он между тем ей нежно руку жал...
Потупя взор, прекрасная вздыхла,
ла,

И Гавриил ее поцеловал.
Смутясь она краснела и молчала,
Ее груди дерзнул коснуться он...
«Оставь меня!» – Мария прошеп-
тала,
И в тот же миг лобзаньем заглу-
шен
Невинности последний крик и
стон...

Что делать ей? Что скажет бог
ревнивый?
Не сетуйте, красавицы мои,
О женщины, наперсницы любви,
Умеете вы хитростью счастли-
вой
Обманывать вниманье жениха
И знатоков внимательные взоры,
И на следы приятного греха
Невинности набрасывать уборы...
От матери проказливая дочь
Берет урок стыдливости покор-
ной
И мнимых мук, и с робостью при-
творной
Играет роль в решительную ночь;
И поутру, оправясь понемногу,
Встает бледна, чуть ходит, так

томна.
В восторге муж, мать шепчет:
слава богу,
А старый друг стучится у окна.

Уж Гавриил с известием прият-
ным
По небесам летит путем обрат-
ным.
Наперсника нетерпеливый бог
Приветствием встречает благо-
датным:
«Что нового?» – «Я сделал всё,
что мог,
Я ей открыл». – «Ну что ж она?» –
«Готова!»
И царь небес, не говоря ни слова,
С престола встал и манием бро-
вей
Всех удалил, как древний бог Го-
мера,
Когда смирял бесчисленных де-
тей;
Но Греции навек погасла вера,
Зевеса нет, мы сделались умней!

Упоена живым воспоминаньем,
В своем углу Мария в тишине

Покоилась на смятой простыне.
Душа горит и негой и желаньем,
Младую грудь волнует новый
жар.

Она зовет тихонько Гавриила,
Его любви готова тайный дар,
Ночной покров ногою отдалила,
Довольный взор с улыбкою скло-
нила,

И, счастлива в прелестной наго-
те,

Сама своей дивится красоте.

Но между тем в задумчивости
нежной

Она грешит, – прелестна и том-
на,

И чашу пьет отрады безмятеж-
ной.

Смеешься ты, лукавый сатана!

И что же! вдруг мохнатый, бело-
крылый

В ее окно влетает голубь милый,

Над нею он порхает и кружит

И пробует веселые напевы,

И вдруг летит в колени милой де-
вы,

Над розою садится и дрожит,

Клюет ее, копышется, ветится,

И носиком и ножками трудится.
Он, точно он! – Мария поняла,
Что в голубе другого угощала;
Колени сжав, еврейка закричала,
Вздыхать, дрожать, молиться
начала,
Заплакала, но голубь торжествует,
В жару любви трепещет и воркует,
И падает, объятый легким сном,
Приосеня цветок любви крылом.

Он улетел. Усталая Мария
Подумала: «Вот шалости какие!
Один, два, три! – как это им не
лень?
Могу сказать, перенесла тревогу:
Досталась я в один и тот же день
Лукавому, архангелу и богу».

Всевышний бог, как водится, потом
Признал своим еврейской девы сына,
Но Гавриил (завидная судьбина!)
Не преставал являться ей тайком;

Как многие, Иосиф был утешен,
Он пред женой попрежнему без-
грешен,
Христа любил как сына своего,
За то господь и наградил его!

Аминь, аминь! Чем кончу я рас-
сказ?

Навек забыв старинные проказы,
Я пел тебя, крылатый Гавриил,
Смиранных струн тебе я посвя-
тил

Усердное, спасительное пенье:
Храни меня, внемли мое моление!
Досель я был еретиком в любви,
Младых богинь безумный обожжа-
тель,

Друг демона, повеса и предатель...
Раскаянье мое благослови!

Приемлю я намеренья благие,
Переменюсь: Елену видел я;
Она мила как нежная Мария!
Подвластна ей навек душа моя.
Моим речам придай очарованье,
Понравится поведай тайну мне,
В ее душе зажги любви желанье
Не то пойду молиться сатане!
Но дни бегут, и время сединою

Мою главу тишком посеребрят,
И важный брак с любезною же-
ною
Пред алтарем меня соединит.
Иосифа прекрасный утешитель!
Молю тебя, колена преклони,
О рогачей заступник и хранитель,
Молю – тогда благослови меня,
Даруй ты мне беспечность и сми-
ренье,
Даруй ты мне терпенье вновь и
вновь
Спокойный сон, в супруге уверенье,
В семействе мир и к ближнему
любовь!